

ГОРОД НАКАНУНЕ ЭПОХИ КРАЙНОСТЕЙ*

Над сетью улиц низеньких и пыльных
Колосом серым высится тюрьма.
И стали в ряд курные избы ссыльных
И гордые чиновничьи дома.

Л.Н. Мартынов. «Старый Омск»

Тащат узников дроги,
Красный холм, как снегирь,
Лишь этап на дороге
Из Сибири в Сибирь.

Д.Н. Косяков. «Город родной»

Омск всегда поражал приезжих своим казенным духом и консервативной атмосферой, так свойственных, по их выражению, «этому провинциальному городку или далекой пыльной станции». «Город с общей казенной физиономией, побольше военных, чем в других городах, вот и все», – писал П.А. Кропоткин. Причин тому было немало. В городе находились административные учреждения, центр Акмолинской области, Степного генерал-губернаторства, штаб Сибирского казачьего войска и местного военного округа, судебная палата, управление железной дорогой и множество других казенных учреждений. Безусловно, в городе имелись представители культурных, слоев, интеллигенции, общественности, но они были сравнительно невелики. Им было непросто что-либо противопоставить большинству – военным и чиновникам (действующим и отставным), являющимися полновластными хозяевами города. Воистину, это был военно-бюрократический город. Город, по выражению почетного гражданина Сибири и г. Иркутска, географа, этнографа, публициста, фольклориста, ботаника, одного из основателей сибирского областничества Г.Н. Потанина: «Без базы, без фундамента, без своей народной массы, вымуштрованный дисциплиной и традицией». Город, отличающийся исключительной индифферентностью к животрепещущим общественным вопросам. Существовать «вне службы», жить без местечка, быть человеком, не будучи чиновником, – для Омска было неприлично и стыдно... Иногда от торговцев книгами можно было услышать жалобы на невозможность заниматься продажей данного товара ввиду крайне низкого спроса.

Согласно мнению Г.Н. Потанина: «Список омских генерал-губернаторов не блещет именами; из администраторов наибольшую память о себе оставил Капцевич; нездоровая традиция о нем прожила с двадцатых до шестидесятых и в шестидесятых еще живо

* Впервые опубликовано в сокращении в американском русскоязычном литературно-художественном и публицистическом интернет-журнале «Чайка» под названием «Накануне революции. Омск непарадный» – <https://www.chayka.org/node/12875>.

чувствовалось в Омске. Это был узкий аракчеевец, пытавшийся экспериментами над подчиненным ему народом доказать возможность безрассудных планов Аракчеева – превратить Россию в сплошное военное поселение».

Американский журналист Джордж Кеннан, побывший в Омске в 1885 г. во время своего знаменитого путешествия по Сибири, отметил, что половина жителей носит казенный мундир и занимается управлением другой половины. В его памяти остался разговор с местным честным чиновником, выразившим просьбу ни в коем случае не писать о нем положительно. Удивленному журналисту было откровенно сказано: «Потому что я не думаю, что ваша книга будет особенно приятна правительству, и если ваши отзывы обо мне будут хороши, мне предстоит немало неприятностей со стороны моего начальства. Как ни нелепа кажется вам моя просьба, пожалуйста, исполните ее».

Сосланный народоволец, журналист, фельетонист, писатель В.Д. Соколов (Митрич) дал подробную характеристику городу в своем стихотворении.

С берегов Иртыша

Город грязный, город пыльный,
Темных улиц сонный град!
Город наш вполне чернильный –
Вот он Омск, родимый град!
Управлений и правлений,
Канцелярий и палат,
Предписаний, отношений...
Вот он Омск, родимый град!
Град с кокардами на шапках
Даже маленьких писцов,
Важных барынь в модных шляпках
И «поношенных» пшютов;
Педагогов бессердечных,
Опечаленных детей, –
Град комиссий бесконечных,
Неисполненных затей.
Град посулов нашей думы
И обманутых надежд;
Град, где сильны толстосумы
И могуча рать невежд;
Где училищ не хватает,
Для больных – в больницах мест,
Где одно лицо срывает...

...

Град общественных скандалов
А над ними – вечный мрак.
Город темных капиталов,
Нажитых Бог знает как.

Где с триумфом открывают
Всякий новый ресторан,
А в магазинах сбывают
То, в чем видится изъян;
Где комиссий санитарных
Обыватель не знавал,
Где не раз обоз пожарных
Среди улиц утопал.
Где предвидит обыватель
От пожаров много бед
Оттого, мой друг читатель,
Что к рекам подъездов нет.
Город грязный, город пыльный,
Темных улиц сонных град!
Город наш вполне чернильный –
Вот он Омск, родимый град!

(Митрич) Соколов В.Д. С берегов Иртыша // Сибирская жизнь. 1899. № 178. С. 2.

Многие жители Сибири именовали Омск городом Акакиев Акакиевичей, впрочем, и омичи сами шутили, когда говорили о необходимости ночного освещения Омска. По их мнению, это было вовсе ненужно, ибо ночью город прекрасно освещался благодаря пуговицам на мундирах чиновников. Обладателей же данной одежды зачастую интересовала лишь нажива и попойка. Отставные чиновники сибирских городов предпочитали доживать свой век в Омске. Несмотря на мечты, Омску было крайне далеко до культурного центра. Писатель Фёдор Сологуб, посетивший город в октябре 1916 г. позднее вспоминал о нем: «Плоский город — кругом степь. Пыль из степи — год, два, сто лет, вечно — так мирно и успокоительно засыпает весь город». Один из омских публицистов, уделив внимание особенностям жителей города, дал следующую характеристику горожанина: «Омич, рожденный среди вечной, нудной, наущающей пыли и жары, не привык к большим событиям в своей обывательской жизни. Далеко от центров умственных “схваток” и “счетов”, далеко от центров умственной жизни – он индифферентно относится к резким колебаниям в той и другой областях».

Тяжело было найти краю компетентных людей для честной государственной службы, что с горечью констатировал журнал «Сибирские вопросы» за 1908 г.: «Кому неизвестно, насколько, в общем, малоудовлетворителен состав сибирской администрации почти всех ведомств? В этом отношении особенно нужно отметить ведомство внутренних дел, представители которого наиболее многочисленны, находятся всюду и имеют постоянную и огромную возможность оказывать свое воздействие на местное население. В то же самое время именно среди сибирских представителей этого ведомства наиболее всего лиц крайне плохо образованных, не проникнутых чувством законности и крайне не популярных среди населения. Чем отдаленнее местность, тем менее удовлетворительны чины этого ведомства. И нужно сказать, что за последние 3 года, когда вся Сибирь находилась под гнетом исключительных положений, эти отрицательные качества сибирской администрации заметно усилились, т.к. их стал гораздо меньше останавливать контроль

местного общественного мнения и как бы поощрила возросшая безнаказанность, которая столь естественно порождает в человеке чувство безответственности».

И спустя лишь 4 года журнал продолжал выражать беспокойство: «Что же сказать о Сибири? Здесь произвол, личное усмотрение вместо закона, самые чудовищные эксперименты над обывателем — характерные признаки деятельности представителей администрации сверху донизу. Крайнее невежество массы населения, исконная отсталость его в культурном отношении представляют настолько благоприятную почву для расхвалившихся администраторов, что многие из их действий даже и внимания на себя не обращают своей незаконностью, как будто это так и быть должно». По мнению издания «Сибирский листок» за 1901 г., многие из прибывших на службу в регион чиновников смотрели на Сибирь как на золотое дно, как на место службы с привилегиями, и только мечтали, как бы сорвать и убежать. Столичные власти во многом способствовали наличию лояльных управленцев. Министр внутренних дел А.А. Макаров в начале 1912 г. разослал специальный циркуляр, предписывающий губернаторам принять экстренные меры для обеспечения избрания лиц, «вполне соответствующих видам правительства».

Однажды Г.Н. Потанин на сельскохозяйственной выставке в Кургане обменялся несколькими фразами с тобольским губернатором Н.М. Богдановичем. Им было высказано пожелание о введении в Сибири хотя бы небольших прогрессивных мер. Предложение пришлось не по душе губернатору, ответившему: «Ишь ты, захотели, чтобы колония пользовалась лучшими условиями жизни, чем метрополия».

Точка появилась на географической карте в 1716 г., благодаря основанию подполковником Бухгольцем Омской крепости. По меткому выражению Л.Д. Троцкого, отечественные дореформенные города не были ремесленно-торговыми центрами, а лишь военно-дворянскими наростами на теле всероссийской деревни. Значительная роль военных в жизни региона, расположение в городах Западной Сибири многочисленных воинских частей и заведений отразилось и в городской топонимике. В Омске, например, существовали улицы: Лагерная, Штабная, Манежная, Полковая, Артиллерийская, Бригадная, Госпитальная, Солдатский переулок.

В 1782 г. Омск был назначен уездным городом Тобольской губернии. Генерал-лейтенант, председатель войскового хозяйственного правления Сибирского казачьего войска, один из инициаторов основания в Омске Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (а позднее и его руководитель) Г.Е. Катанев в 1916 г., во время празднования 200-летия города, дал немаловажную характеристику. По его мнению, Омск, именно в качестве настоящего города, может насчитывать лишь 30-летнюю историю.

Типичный степной город оставался в памяти попавших сюда благодаря обилию пыли. Часто в летние дни люди, решившие одеть белый костюм, вскоре могли не узнать его из-за быстрой смены цвета на серый. Кроме этого, летом благодаря сухой песчаной местности частыми ветрами поднимались тучи пыли и песка, застилающие солнечное сияние. Человеку со слабыми легкими проживание летом в городе было слишком рискованно. Пыльные улицы весной, осенью, после таяния снега становились малопроходимыми. Мощный слой пыли при засухе, глубокая непролазная грязь в случае дождя, иной альтернативы не предвиделось. Своими широкими немощеными улицами, слишком однообразными деревянными постройками, дощатыми тротуарами (с которых нельзя было спуститься, не увязнув в крайне липкой почве) город наводил какое-то

уныние, вновь напоминая казачью станицу, нежели центральный областной город. Довольно примитивная система очистки площадей и улиц, сильная загрязненность питьевых вод сточными нечистотами из бань порождало высокую степень заболеваемости и смертности, особенно среди детей.

В июне 1915 г. в Вестнике Омского городского общественного управления можно было прочитать следующие строки: «Но человек, сколько он ни живет в городе, все-таки стремится в свободные минуты быть поближе к природе, хочет подышать чистым, ароматным воздухом. У нас же в Омске этого удовольствия трудно найти, потому что город кругом обложился навозом, который разлагается или горит и заражает воздух удушливыми газами гниения и дыма; приходится ехать подальше за город, но что омич найдет за городом в своих жалких березовых колках? Весной здесь еще застают зелень, а в середине лета все высыхает: трава пожелтеет, запылится, выточится людьми и животными, и становится положительно невозможным найти места для праздничного отдыха».

И.В. Голошубин, писатель, беллетрист, автор острых сатирических рассказов, служащий переселенческого управления, священник с. Сыропятского Омского уезда, в июле 1913 г. получивший запрет в священнослужении, рясо- и крестоношении за «дерзкую, грубую, злостную и клеветническую выходку» в отношении деятеля черносотенного движения протоиерея И.И. Восторгова, в 1914 г. стал автором-составителем ценного востребованного тысячестраничного труда «Справочная книга Омской епархии». На ее страницах им было дано следующее замечание городским пейзажам: «В общем, природа, окружающая г. Омск слишком бедна своим разнообразием, и она лишена тех привлекательных живописных местностей, которые бы невольно просились на картину. Единственными, можно сказать, сюжетами для любителей пейзажей могут служить только летние виды с берега на бурливый и широкий Иртыш, по которому то и дело скользят лодки и шумят пароходы и через который на виду от города перекинут довольно красивый грандиозный железнодорожный мост в 3/4 версты длиною».

С конца XIX–начала XX в. Омск значительно разросся, обострился квартирный вопрос. В 1914 г. в городе проживало примерно 140 тыс. Вследствие этого на жилье значительно повысился спрос, что в свою очередь привело к неестественно высоким ценам на квартиры. Это относилось и к маленьким комнаткам на окраине города, не говоря уже о помещениях в центре. По мнению И.В. Голошубина, выгодоискатели стали быстро строить на продажу дома, стремясь заканчивать работу в короткие сроки. В результате появлялись сырые, довольно холодные квартиры. Так что благодаря городским зданиям Омск продолжал представлять из себя смесь контрастов – рядом с деревянной лачугой могло возвышаться каменное здание, а недалеко по соседству – жалкий полуразвалившийся дом.

Но вместе с неотъемлемыми частями российской действительности на Сибирь, с опозданием, наступал и XX век. Фабрично-заводская промышленность в Акмолинской области хоть и была развита слабо, все же значительно подвинулась вперед. В 1913–1914 гг. процентное отношение рабочих ко всему населению Сибири колебалось вокруг цифры в 7 %, а вместе с членами семей достигало 30 %. Социальный состав рабочих Сибири в силу географической и общей неравномерности экономического развития края отличался неоднородностью. Здесь были представлены и кадровые рабочие фабричного типа, и постоянные мануфактурные рабочие, и рабочие-кустари, сезонники. 7 июля 1913 г. закон о введении фабричной инспекции был распространен на Сибирь.

Но и после введения ее в регион положение было неблагоприятным. В 1914 г. было зарегистрировано 541 нарушение фабрикантами законов.

Видный и популярный приват-доцент Московского университета, один из заметных социал-демократических публицистов и лекторов Н.А. Рожков, находившийся в 1910–1917 гг. в ссылке Восточной Сибири (после двух лет заключения в Бутырской тюрьме) указывал, что к началу 1912 г. российское правительство очень мало сделало, чтобы уменьшить «болезненности русского капиталистического развития» для большей части населения. Так была охарактеризована им государственная политика, предпочитающая охранять интересы предпринимателей: «Общая тенденция здесь – сохранение существующего и укрепление позиции его защитников с редкими и небольшими уступками неизбежному веянию времени, требующего решительных и крупных реформ. Мероприятия против голода ограничиваются при таких условиях лишь паллиативами. Бюджет остается не реформированным, а лишь самое большее несколько упорядоченным в чисто техническом смысле».

В 1901 г. датчанин С.Х. Рандруп основал в Омске завод по производству сельскохозяйственных машин и орудий. С 1909 г. в городе появилось несколько автомобилей. После проведения железной дороги Омск приобретал значение как место складирования товаров, идущих из европейской части страны. Через город проходили преимущественно мануфактурные, галантерейные и бакалейные товары. Положение на судоходной реке, при пересечении двумя железными дорогами, способствовало развитию города как важного торгового пункта. Стали появляться не только российские купцы, но и иностранные предприниматели. Появилось несколько складов сельскохозяйственных машин. Открылось представительство британской фирмы братьев Роберта и Томаса Эльворти. Тюменский купец В.Л. Жернаков купил в Омске лесопильный завод. К 1909 г. в городе действовал Городской общественный банк, Отделение Государственного банка и еще отделения пяти частных банков: Сибирский торговый банк, Волжско-Камский коммерческий банк, Русско-Азиатский банк, Русский для внешней торговли банк, Омское Общество взаимного кредита. Деятельность банков находилась в тесной связи с ростом грузооборота по Иртышу и железнодорожному пути.

В 1909 г. из города было вывезено 628000 пудов масла. 67% всей вывозимой из Западной Сибири шерсти приходилось в 1903 г. на долю Омска. Советский и российский историк, профессор, доктор исторических наук А.М. Анфимов подмечал: «Тем не менее, с 1912 г. Государственный банк начал выдачу ссуд на покупку сельскохозяйственных машин и орудий. Но обратим внимание на одну деталь. Ссуды выдавались преимущественно не там, где больше на них был спрос, т.е. в европейской части страны, поскольку рассрочки могли помешать интересам помещиков, а за Уралом, “в крестьянском царстве”, где к тому же машины продавали, главным образом, американские фирмы и по очень высоким ценам».

Активно проводились операции по скупке сибирского сырья. Товарооборот города, благодаря железной дороге, с 1900 по 1910 г. увеличился в 3 раза. Величественный Любинский проспект в центре города в первую очередь обращал на себя внимание гостей, напоминая столичный уголок. А он и, вправду, был застроен московскими коммерсантами каменными, преимущественно двухэтажными магазинами, чьи представители обосновались в новых помещениях.

Многие люди выражали надежду, что когда-нибудь Омск станет развиваться в торговом-промышленном отношении, раз не удастся стать центром просвещения. Представи-

тели купеческих семей обещали приезжим, еще вот-вот – и Омск станет русским Лейпцигом. И Г.Н. Потанин писал с надеждой в 1908 г.: «Из военного лагеря Омск стремится превратиться в купеческий пакгауз, дробь барабана хочет смениться щелканьем счет». Но время шло, обыватель не просыпался, благоустройством нельзя было похвастаться, скудное освещение не разгоняло мрак, и в двух шагах караваны верблюдов и отары овец поднимали тучи едкой пыли. Не исчезали и землянки с городских окраин, где продолжали жить дети. В докладе, представленном Омской городской управе в 1911 г. о положении окраин Омска всплывала горькая правда: «На прогнившем, обращенном в свалку нечистот и постоянно загрязняемом сотнями живущих малокультурных людей участке рождаются и растут дети. Смертность детей громадна – 40 %... Живут здесь все в землянках. Большинство населения 54 % – алкоголики. Пьянство здесь невероятно».

Газета «Омский вестник» в номере от 13 ноября 1910 г. следующим образом описывала бараки на заводе товарищества «Довборы»: «Бараки рабочих представляют из себя душные, сырые и грязные полуземлянки с тяжелым промозглым воздухом. В первой полуземлянке, имеющей в длину 3,5-4 сажени, в ширину – 2 сажени и в высоту – 1 сажень, при нашем посещении помещалось 6 взрослых и 2 детей, т. е. на каждого обитателя приходилось воздуха в 2-3 раза меньше против нормы. Здесь же прачечная, кухня и спальня, тут же сушатся белье и портянки.

Второй барак несколько больше по кубическому содержанию воздуха, но зато в нем стоит куб и кухня. В этой землянке живет 8 человек».

Порою в начале Любинского проспекта можно было встретить и нуждающуюся публику, в том числе в лице крестьян, стремившихся вырваться из деревень, чтобы убежать от голода.

Газета «Омский телеграф» в номере от 19 октября 1912 г. уделила внимание ситуации с безработицей: «В толкучем ряду на углу Скорбященской и Екатерининской улиц стоит в ожидании какой-либо работы безработный люд. Есть между ними и женщины с детьми. Все они стоят целый день на холоде. Следовало бы о них позаботиться хотя бы устройством какого-либо помещения». В результате роста населения и недостатка начальных школ в 1910 г. в Омске было отказано в приеме в городские приходские училища 245 мальчикам и 148 девочкам. В 1911 г. в городе было отказано в приеме 965 детям школьного возраста за отсутствием вакансий. Писать, выносить проблемы на обсуждение было чревато неблагоприятными последствиями. Так, редактор газеты «Омский вестник» Л.И. Корвин-Круковский за статью, посвященную 50-летию отмены крепостного права, был арестован на 3 месяца.

Врач В.Е. Клячкин в 1911 г., рассуждая о мерах, направленных на оздоровление Омска, в заключении указал: «Наш город так беден санитарными сооружениями, так нуждается в санитарных мероприятиях, так утопает в грязи и столько в его населении болезней, что надо общими усилиями прийти на помощь городскому общественному управлению и указать ему пути к посильному улучшению санитарного дела».

О сопутствующих явлениях привнесения капитала в регион один из омских журналистов летом 1910 г. дал следующее предостережение: «Понятно, что рост городов ведет за собою в Сибирь и все прелести современной городской жизни с ее безработицей, босяцким пролетариатом и проституцией, с резким делением на нищенство и роскошь, с страстным озлоблением голодных и постоянной трусостью, и жестокостью сытых. Хотелось верить, что эти страшные проблемы еще не скоро станут перед сибирским обще-

ством. Думалось, что долго здоровый демократический уклад сибиряка, не ведавшего изнеженных и развращенных бар, будет сопротивляться отрицательным явлениям буржуазной культуры, а когда они проявятся особенно сильно, в обществе нашем уже созреет сила, способная облегчить боль от социальных антагонизмов. Однако, «колониальные порядки» разбили все надежды сибирских идеалистов. Капиталистическая культура идет к нам именно своей отрицательной стороной, осуществляя все прелести периода первоначального накопления. Деятели его выступают в том же отвратительном виде, с той же религией “чистогана”, с той же этикой, – “человек человеку зверь”, с каким выступали они во всех странах».

Летом 1911 г. в Омске произошло грандиозное по провинциальным меркам событие, надолго запомнившиеся горожанам и поразившее их воображение. 15 июня состоялось открытие Первой Западно-Сибирской сельскохозяйственной, лесной и торгово-промышленной выставки. По своим масштабам она значительно превосходила все сибирские выставки, проводимые ранее. Мысль об устройстве подобного мероприятия возникла еще в 1902 г. и вот, спустя девять лет, наконец-то, была реализована. На пустопорожном месте был выстроен уголок с чудными зданиями. В архитектуре было представлено множество стилей, но преобладал все же модерн. Здесь были водопровод, электрическое освещение, фонтаны, газоны, клумбы, гроты. Участие приняли предприниматели из Санкт-Петербурга, Одессы, Тулы, городов Поволжья и Урала. Присутствовали фирмы из Германии, Австро-Венгрии, Великобритании, Дании, США. Иностранных экспонатов было действительно очень много, что выставку даже называли «уголком Европы в Омске».

За два месяца выставку посетило 250 тыс. человек. При входе особое внимание обращал на себя павильон «Общенаучный» (Сибиреведения), выстроенный в египетском стиле со сфинксами и обелисками. В одном из павильонов при входе стояла статуя Ермака. Всего для выставки было возведено более восьмидесяти павильонов. Модерн царил на ней во всем великолепии, но и павильоны частных компаний отличались своеобразием. Публике были представлены самые разнообразные технические новшества: нефтяные и паровые тракторы, дисковые плуги, молотилки. Официальные издания указывали, что положительные результаты выставки скажутся в ближайшем будущем сами собой. В северо-восточной части выставки известным авиатором Васильевым было выполнено несколько полетов на аэроплане – первое подобное мероприятие в городе. Признавалось, впрочем, на фоне общего оптимизма, что выставка была организована в неудачное время, когда страну постиг неурожай хлебов, из-за чего крестьянское население было лишено возможности посетить это высококультурное мероприятие. Что не помешало председателю выставочного комитета А. Трувеллеру в речи на торжественном закрытии провозгласить организацию выставки чуть ли не общенародным делом: «К нам пришли не только представители капитала, но и люди из глухих деревень, крестьяне-экспоненты, экспоненты-труженики».

Но немалое количество посетивших смогло увидеть за парадной стороной дела ряд неприглядных явлений. Ими было указано, что выставка не раскрыла реальной картины хозяйства и жизни Западной Сибири и Степного края. Ряд сибирских газет указывал, что выставка не оправдала возлагавшихся на нее надежд и не показала истинной картины жителей Сибири. В одной из статей автор сожалел, что рядом с блестящими экспонатами торговых фирм нет какой-либо информации о деревенском населении, о том,

какими сельскохозяйственными машинами оно пользуется и как это в итоге отражается на их жизни. Автор подчеркивал, что было бы очень важно показать возможности сельского населения для покупки машин в кредит и в рассрочку. В конце следовал вывод, что такой информации и не может быть, поскольку до сих пор нет общественной организации, которой было бы близко и дорого изучение сибирской деревни.

Не удалось выставке и в полной мере передать правду о жизни столыпинских переселенцев в Сибири. Фотографии изображали строительство школ, церквей, счастливых крестьян на новых местах. Реальность отличалась от красочной картинки. Как указывал один корреспондент: «Но если мы вспомним тот громадный наплыв переселенцев, который наполнил бесприютные сибирские степи, и вспомним тех из них, которые потеряли надежду выбиться из своего безотрадного положения и... теряя на пути своих детей, тянутся обратно на родину к своим разоренным хозяйствам, для нас будет ясно, что помощь переселенческого управления, если не равна нулю, то она является каплей в море, которая не может являться серьезной поддержкой в жизни переселенца». По подсчетам А.М. Анфимова, из 3,7 млн переселенцев 1 млн вернулся, 700 тыс. разбрелись по Сибири, став обычными батраками. Переселенческий поток направлялся по большей части в узкую полосу земледельческой Сибири, где свободный запас земель скоро закончился.

Все перечисленные условия городской жизнедеятельности оказывали серьезное давление на состояние умов. Но вопреки этому интеллигенция стремилась развивать культурную сферу. К.Д. Бальмонт, один из ярчайших представителей российской поэзии Серебряного века, посетивший Омск в ноябре 1915 г., оставил в письме следующее описание своих впечатлений: «И хоть в целом публика там скучная и тяжелая, в нескольких сердцах я зародил красный огонь».

Можно было найти применения силам, желающим активно заниматься просвещением. Это и упомянутый Западно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества, музей при нем, Омский отдел Общества изучения Сибири и улучшения ее быта, Общество Просвещения, Омский отдел Императорского музыкального общества, Медицинское общество. Увеличивалось количество желающих посещать библиотеки.

Но активное желание посвящать себя творчеству могло натолкнуться на серьезное недопонимание лиц, считавших себя сведущими в культурных вопросах. Попечитель Западно-Сибирского учебного округа Л.И. Лаврентьев в 1910 г. оставил свою резолюцию на стихотворении знаменитого сибирского поэта Г.А. Вяткина, посвященного Л.Н. Толстому и предназначенного для публичного прочтения во время литературно-художественного вечера. Л.И. Лаврентьев не оценил таланта автора, подчеркнул красным карандашом фразы: «душой, познавший чистоту», «пришел ты к нам, верую богат» и вынес следующий вердикт: «Не разрешается. Очевидно, неврастеник, а то и совсем пологумный, если только не сумасшедший».

В январе 1906 г. в Омском тюремном замке находилось 70 человек арестованных по политическим мотивам. По распоряжению Степного генерал-губернатора И.П. Надарова только в 1906–1907 гг. из Омска было выслано как минимум 153 человека. Они были отправлены в Вологодскую, Томскую, Енисейскую губернии, уезды Акмолинской и Семипалатинской областей.

Летом 1913 г. Г.В. Плеханов, анализируя ситуацию в стране, указывал: «Во время революционного взрыва не все было так хорошо, как этого хотелось нашим революционерам, а в эпоху зстоя не все было так плохо, как этого желали наши реакционеры».

Умеренный земский либерал Д.Н. Шипов заключил: «Разбиты все надежды на мирное преобразование политического и социального строя. Пропась, отделяющая государственную власть от страны, все растет и растет, и в населении воспитывают чувство злобы и ненависти».

Правительство так и не смогло понять весьма жирного намека истории. Пятый год, усиленно изгоняемый правительственными людьми из своих голов, оставил о себе память в степях города на Оми. Омск, град Акакиев Акакиевичей, все же оставался частью России, со всеми ее сторонами и проявлениями. Какие-то их них были заглушены сильнее, другие пытались осторожно пробиться наружу. В умах граждан кипела работа, все видели разные пути выхода из приближающегося тупика. В конце концов, к тому времени в стране накопилось немало традиций, выразивших разные проявления общественно-политической мысли страны, стремившейся бороться за справедливость, равенство, свободу, науку и просвещение. Но и иная Россия, на протяжении веков бывшая одной из самых толерантных стран по отношению к насилию, бесправию, жестокости, иррациональности, консерватизму и предрассудкам, не собиралась уступать дорогу. А все же из людской памяти не удалось изгнать дни 1905–1907 гг., время напряжения всех общественно-политических, народных сил, стремившихся к долгожданному обновлению российских и мировых реалий.

Таким был город накануне «короткого XX века» (1914–1991), по выражению британского историка Эрика Хобсбаума, перед скорым наступлением Эпохи крайностей.